М. Бакунинъ.

НАРОДНОЕ ДѢЛО

РОМАНОВЪ, ПУГАЧЕВЪ или ПЕСТЕЛЬ?

Подъ редакціей и съ предисловіемъ
Н. Ф. Мельниковой

МОСКВА
Типографія „ПЕЧАТНЫЙ ТРУДЪ“ Мясницкая 13. Тлф. 2-36-87.
1917.

Бакунинъ и Славянство [1]).

М. Бакунинъ, бывшій до послѣднихъ дней подъ запретомъ для русской публики, естественно ей очень мало извѣстенъ. Въ 1905 году была попытка издать его сочиненія, но вмѣстѣ съ свободами исчезли въ массѣ конфискованныхъ изданій и первые два тома предполагаемаго полнаго собранія сочиненій. Такимъ образомъ изъ громаднаго количества статей, брошуръ и писемъ, написанныхъ отцомъ русскаго анархизма, мы имѣемъ лишь нѣсколько юношескихъ статей въ старыхъ журналахъ, да собраніе, при этомъ далеко не полное, писемъ, изданное Драгомановымъ. Естественно, что при такихъ условіяхъ было почти немыслимо работать надъ изученіемъ замѣчательной личности Михаила Бакунина и еще менѣе касатся его теорій, такъ что къ данному моменту, кромѣ книги Корнилова, мы не имѣемъ налицо ничего капитальнаго. Однако небезъинтересно, въ особенности теперь, разсмотрѣть славянскія симпатіи и выступленія Михаила Александровича, которыя къ слову говоря, тѣсно переплѣтаются съ яркимъ антагонизмомъ ко всему нѣмецкому. Въ очень близкомъ отношеніи къ этому вопросу находится его взглядъ на династію Романовыхъ, въ частности, конечно на Нико-

[1]) Считаю своимъ пріятнымъ долгомъ выразить благодарность глубокоуважаемому Алексѣю Ильичу Бакунину, за драгоцѣнную помощь, оказанную мнѣ при работѣ и изданіи.

лая I и Александра II, какъ на порожденіе германскаго вліянія и политики, пустившихъ глубокіе корни въ славянскомъ мірѣ. „Кнуто-Германская имперія“ полна указаній на нѣмецкое происхожденіе и поведеніе царствовшаго тогда государя, совмѣщавшаго въ себѣ недостатки татарскаго деспота и нѣмецкаго кейзера. Въ ниже помѣщенной боевой брошурѣ: „Романовъ, Пугачевъ или Пестель?“, кромѣ уже упомянутыхъ ссылокъ на германизацію Россіи, Бакунинъ указываетъ на тѣ мѣры, которыми возможно спасти нашу родину, мчащуюся, при царящей реакціи и абсолютизмѣ, въ гибельную пропасть; при чемъ неустанно повторяетъ, что только черезъ свободное и освобожденное Славянство Россія войдетъ, какъ равноправная въ широкій кругъ европейскихъ народовъ. „Если бы царь понялъ что онъ отнынѣ долженъ быть не главою наслѣдственной централизаціи, а главою свободной фредеракціи вольныхъ. народовъ, то опираясь на плотную возрожденную силу въ союзѣ съ Польшей и Украиной, разорвавъ всѣ ненавистные союзы нѣмецкіе, поднявъ смѣло всесловянское знамя, онъ сталъ бы избавителемъ славянскаго міра“. (229 стр. Ром. Пуг. или Пес.)

Но какъ мы теперь можемъ видѣть ни Александръ II, ни его пріемники не сознали этой необходимости и упорно смотрѣли въ сторону Германіи, не взирая ни на чьи предостереженія. Какъ мы можемъ судить по приведенной выдержкѣ, интересы славянскихъ народностей нашли въ лицѣ Бакунина усерднаго защитника. Мы бы рискнули даже назвать его, на основаніи многихъ данныхъ, если не славянофиломъ, то во всякомъ случаѣ панславистомъ. И такъ, въ рядахъ борцовъ за славянскую независимость выступаетъ еще одна мощная фигура, оставшаяся, независимо отъ своихъ достоинствъ, почти совершенно въ тѣни. Малоизвѣстности въ этой области онъ обязанъ сильно укоренив-

шемуся у русской интелегентной публики взгляду, что всякій панславизмъ, откуда бы онъ ни шелъ, реакціоненъ и отдаетъ ханжествомъ и елеемъ, такъ что всякое славянское выступленіе со стороны присяжныхъ либераловъ и передовыхъ вождей, разсматривалось, какъ упадокъ ихъ міросозерцанія или, изъ уваженія къ ихъ прежнимъ заслугамъ, старательно замалчивалось. Не слѣдуетъ однаго забывать, что не всякій славянинъ-Бурачекъ и невсякое славянофильство равносильно офиціальной народности, тирадамъ Греча и квасному патріотизму; наоборотъ, славянскія стремленія чисты и свободолюбивы и, еслибы къ нимъ не примостились и не опоганили агенты третьяго отдѣленія и слѣпые мракобѣсы, то они давно бы стояли наравнѣ съ лучшими и прогрессивнѣйшими ученіями Европы.

Однако вернемся къ М. Бакунину. Для насъ не подлежитъ больше никакому сомнѣнію, что Бакунинъ въ оба періода своей заграничной дѣятельности сильно тяготѣлъ къ славянству, разрѣшая, правда, иногда чрезвычайно своеобразно, запутанѣйшій славянскій вопросъ. Во всякомъ случаѣ ясно, что какъ въ 48—49 годахъ, такъ и съ 62-го года онъ придавалъ большое, часто даже рѣшающее, значеніе славянскому племени—молодому, близкому къ природѣ, т. е. къ свободѣ. По мнѣнію Бакунина, говоритъ Лагардель: „Передъ лицомъ германской рассы, живого выраженія догмата и авторитета, славянство представляетъ то, что есть инстинктивнаго и творическаго въ мірѣ. Если Россія стонетъ подъ политическимъ гнетомъ, то это потому, что она испытываетъ вліяніе Германіи и ея правительственной системы. Стоитъ только освободить ее отъ этихъ германскихъ цѣпей, и она распространитъ въ цивилизованномъ мірѣ то чувство свободы, которое есть ея историческій штемпель". (Лагардель—„Марксъ и Бакунинъ". Завѣты. 1913 г, № 2) почти аналогичное гово-

ритъ о взглядахъ Бакунина 48--49 года авторъ въ нѣмецкой статьѣ: „М. Бакунинъ и радикализмъ". „Къ этому (взгляду на значеніе возстанія во время славянскаго съѣзда въ Прагѣ,) присоединилась еще у Бакунина, глубоко вкоренившаяся еще съ сороковыхъ годовъ и обратившаяся у русской опозиціи въ догматъ, вѣра что рабство Россіи есть дѣло нѣмецкихъ рукъ, и что освобожденіе славянской рассы возможно лишь при полномъ и совершенномъ уничтоженіи германскаго вліянія въ восточной Европѣ. (Deutsche Rundschou 1877 г. № 12. стр. 215—216.)

Къ сожаленію, уже по выше изложеннымъ причинамъ, мы не имѣемъ въ рукахъ не только полной біографіи Бакунина, но даже опубликованныхъ документовъ, какъ, напримѣръ, протоколовъ славянскаго пражскаго съѣзда, въ которомъ онъ принималъ живѣйшее участіе, и мы принуждены довольствоваться пока лишь позднѣйшими воспоминаніями и письмами. Въ одномъ изъ первыхъ писемъ, присланномъ послѣ долгаго заключенія по нѣмецкимъ и русскимъ тюрьмамъ, ссылки и бѣгства изъ Сибири, онъ въ нѣсколькихъ строкахъ набрасываетъ картину своей прошедшей дѣятельнсети и программу будущаго дѣйствія.

„Друзья, всѣмъ существомъ стремлюсь я къ вамъ и лишь только пріѣду къ вамъ, примусь за дѣло; буду служить у васъ польско-славянскому вопросу, который былъ моею idée fixe съ 1846 года и моею практическою спеціальностью въ 48 и въ 49-мъ годахъ. Разрушеніе, полное разрушеніе Австрійской имперіи будетъ моимъ послѣднимъ словомъ, не говорю дѣломъ, это было бы слишкомъ честолюбиво; для служенія этому великому дѣлу я готовъ идти въ барабанщики или даже въ прохвосты, и если мнѣ удастся хоть на волосъ подвинуть его впередъ, я буду доволенъ. А за нимъ является славная, вольная славянская федерація, единственный

исходъ для Россіи, Украйны, Польши и вообще всѣхъ славянскихъ народовъ."

(Письма Б-на изд. Драгоманова. С. Франциско. 15/13 октября 1861 г.)

Еще до личнаго сближенія и знакомства съ западными и южными славянами у Михаила Александровича возникла мысль о необходимости выдѣленія славянской національности изъ всенивелирующаго интернаціонализма, въ которомъ многіе склонны его обвинять, и вѣра, что именно славяне выведутъ человѣчество на широкій и вольный путь свободы. Большинство друзей и знакомыхъ относились съ явной сдержанностью, а подъ часъ и улыбкой, къ славянскимъ заявленіямъ юнаго Бакунина. Такъ Огарева-Тучкова, конечно съ чужого голоса, добродушно-иронически разсказываетъ, что встрѣтила въ Парижѣ въ 1848 году Бакунина, который при прощаньи сказалъ: „До свиданія, въ славянской республикѣ." Подобныя заявленія относили обыкновенно къ увлекающемуся характеру и къ любви проповѣдывать, не подозрѣвая, что это было его глубочайшее убѣжденіе и основа доброй половины ученія. Не таковы уже взгляды въ 1862 году, въ особенности у Герцена, который за долгіе годы эмиграціи близко узналъ Европу и всѣ хваленыя ея прелести и преимущества передъ восточнымъ міромъ и сильно сталъ тяготѣть къ славянству. Съ неподражаемымъ юморомъ, и ему одному свойственной, тонкостью и сжатостью Герценъ разсказываетъ о кипучей дѣятельности Бакунина, вернувшагося къ жизни послѣ долгаго принужденнаго молчанія и бездѣятельности. Ему мало было скромной работы Колокола, личныхъ вліяній Герцена и Огарева, онъ рвался къ массовой пропагандѣ, къ конспираціи, ему были необходимы „славянская организація, польская организація".

„Бакунинъ сгруппировалъ около себя цѣлый кругъ славянъ. Тутъ были чехи отъ литератора Фрича до

музыканта, называвшагося Наперсткомъ; сербы, которые просто величались по батюшкѣ Іовановичъ, Даниловичъ, Петровичъ; были валахи, состоявшіе въ должности славянъ, съ своимъ вѣчнымъ" еско" на концѣ; наконецъ былъ болгаръ, лекарь въ турецкой арміи, и поляки всѣхъ епархій. („Герценъ М. А. Б-нъ и польское дѣло. т. 3. стр. 488).

Въ томъ же 1862 году въ № 122 Колокола появилась статья Бакунина къ „Русскимъ, польскимъ и всѣмъ славянскимъ друзьямъ", гдѣ онъ проситъ принять его въ старый кругъ друзей для совмѣстной работы и повторяетъ чуть ли не дословно письмо изъ С. Франциско. „Примите меня снова въ вашу среду и да будетъ мнѣ позволено между вами и вмѣстѣ съ вами положить всю остальную жизнь мою на борьбу за русскую волю, за польскую волю, за свободу и независимость всѣхъ славянъ". Уже начавшій къ этому времени мѣнять свой обликъ, Колоколъ въ № 119 высказываетъ пожеланія, чтобы Бакунинъ пошелъ именно по этому пути въ виду того, что стала ясна невозможность и ошибочность совмѣстной работы съ нѣмецкой демократіей. Самъ Бакунинъ жестоко поплатился за благородную ошибку дѣйствовать за одно съ нѣмецкой соціалдемократіей. Онъ не хотѣлъ считаться съ племеннымъ свойствомъ нѣмцевъ, чрезвычайно развитымъ чувствомъ собственной національности и презрѣніемъ къ другимъ племенамъ.

Проповѣдывая космополитизмъ, они дѣлаютъ исключеніе для себя, какъ для высшей рассы, называя прочихъ, въ особенности славянъ, навозомъ для удобренія германской почвы, какъ обмолвился въ печати одинъ извѣстный историкъ. Всякій нѣмецкій общественный дѣятель работаетъ въ пользу своего народа, и никто этому не удивляется, нѣмецъ же требуетъ отъ русскаго и славянина чтобы онъ презиралъ свой народъ и несъ ему цивилизацію; т. е. германизацію, и если послѣд-

ній на это не соглашается, то его сейчасъ же обвиняютъ въ службѣ русскому правительству.

Не избѣжалъ этой участи и Бакунинъ, эта кристально чистая натура, „Большая Лиза“, которого не смотря на любовь къ конспираціи, могъ провести любой итальянскій мальчишка. К. Марксъ, ученіемъ котораго питалось нѣсколько поколѣній нашей молодежи, не задумываясь подхватилъ сплѣтню, будто бы Михаилъ Александровичъ получаетъ субсидію изъ 3-яго отдѣленія, и спокойно напечаталъ это въ самое время, когда Бакунинъ томился по тюрьмамъ и переживалъ три смертные приговора подрядъ. „Какъ славянинъ я хотѣлъ освобожденія славянской рассы отъ ига нѣмцевъ... Мои идеи и мои стремленія должны были сильно ненравиться Марксу, сначала потому, что онѣ были не его, затѣмъ потому что, какъ нѣмецкій патріотъ, онъ не допускалъ тогда, какъ не допускаетъ еще и теперь права славянъ на освобожденіе отъ ига нѣмцевъ, думая теперь, какъ и тогда, что нѣмцы призваны „цивилизовать ихъ“, т. е. онѣмичить добромъ или силой. (Нетлау I т. 93 стр. слова Бакунина). Презрительное отношеніе Маркса къ славянамъ очень ярко выступаетъ въ его книгѣ. „Z'Allemagne en 1848“. Бакунинъ утверждаетъ, что нѣмецкій соціализмъ пропитанъ нетолько патріотизмомъ, но и преданностью и уваженіемъ къ прусскимъ штыкамъ, и что если къ нему присоединить кнутъ русскаго царя, то тишина водворится во всей Европѣ по крайней мѣрѣ лѣтъ на пятьдесятъ,

„Вмѣсто его (французскаго) живого и реальнаго соціализма мы получимъ доктринерскій соціализмъ нѣмцевъ, которые будутъ говорить лишь то, что имъ позволятъ прусскіе штыки. Бюрократическая и военная сноровка Пруссіи, соединившись съ кнутомъ петербурскаго царя установитъ, по крайней мѣрѣ, на пятьдесятъ лѣтъ спокойствіе и порядокъ на всемъ протя-

женіи европейскаго материка. (М. Бак-нъ. Кнуто—Германская имперія. Предисловіе 272 стр.)

Чего же желаетъ Бакунинъ для славянства кромѣ разрушенія всѣхъ Австрій и сверженіе всяческаго гнета? Конечною, идеальною цѣлью была славная федерація всѣхъ вольныхъ славянскихъ національностей, а пока освобожденіе ихъ изъ подъ австрійскаго, германскаго, турецкаго и... петербурскаго гнета. Не говоря уже о брошурахъ и статьяхъ онъ пропагандировалъ свои теоріи даже чрезъ частныя письма, такъ обращаясь къ одной знакомой, живущей въ Сибири, онъ подчеркиваетъ, что послѣднее слово — „славянская федерація, а что славянину здорово, то нѣмцу смерть". (19/7 ноября, 1862 года. Лондонъ.)

„Мы будемъ стремиться, вмѣстѣ со всѣми племенами славянскими, къ осуществленію завѣтной славянской мечты: къ созданію „Великой и вольной федераціи всеславянской", гдѣ каждый народъ, великъ или малъ, будетъ вмѣстѣ вольнымъ и братскимъ съ другими народами связаннымъ членомъ; чтобы каждый стоялъ за всѣхъ, и всѣ за каждого, и чтобы не было въ братскомъ союзѣ особенныхъ государственныхъ силъ, чтобы не было ничьей гегемоніи, но чтобы существовала единая и нераздѣльная общественная сила". (М. Бак-нъ.—Р-овъ, П-евъ или П-ель. стр. 232. § 7).

Бакунинъ полагаетъ, что въ послѣдствіи къ славянской федераціи смогутъ присоединиться, какъ равные члены и другіе народы, при чемъ, конечно, никому не будетъ отдано первенство. Свободная, обширная славянская федерація обниметъ цѣлый рядъ земель, принадлежащихъ теперь Австріи и Турціи, но перейдущихъ во владѣніе освобожденныхъ племенъ.

Такимъ образомъ на очередь прежде всего ставится освобожденіе угнетенныхъ народовъ изъ подъ ига ихъ притѣснителей. Естественно конечно, что чуть не первымъ шагомъ къ свободѣ считается освобожде-

ніе Польши изъ подъ русскаго владычества, принижающаго одновременно и русскій и польскій народъ. До тѣхъ поръ пока Россія будетъ незаконно владѣть Польскимъ королевствомъ, она будетъ вѣрной союзницей Австріи и Германіи, до тѣхъ поръ и самъ русскій народъ будетъ стонать подъ тяжестью Петербурга, этого нѣмецкаго разсадника у насъ на родинѣ. Ни одинъ славянинъ, если онъ желаетъ свободы своему отечеству, не долженъ довѣрять тому, что обѣщается на берегахъ Невы, а долженъ бороться совмѣстно съ русскими съ тяжестью лживаго цезаризма и его представителей, прикрывающихся лицемѣрнымъ патріотизмомъ. Въ дѣйствительности всѣ россійскіе правители не имѣютъ ничего общаго съ славянскимъ племенемъ и, будучи германскаго происхожденія, являются злѣйшими врагами своего народа и его друзей.

„Мы русскіе, ищущіе воли, приверженцы народа русскаго, а потому самому враги русскаго, или вѣрнѣе нѣмецкаго правительства въ Россіи, мы дѣйствительно желающіе свободы и независимости всѣхъ славянскихъ племенъ, и вѣрующіе въ ихъ будущую, свободную федерацію, считаемъ себя обязанными сказать во услышаніе всѣхъ славянъ, что они сдѣлаютъ огромную ошибку, погубятъ себя, если ввѣрятся вновь попеченіямъ петербурскаго правительства. Нѣмецкій Петербургъ, также гибеленъ для славянъ, какъ Берлинъ и Вѣна. Петербургъ связанъ неразрывно съ нѣмцами, раздѣленіемъ и притѣснѣніемъ Польши". (М. Б-инъ.— Русскимъ, польскимъ и всѣмъ славянскимъ друзьямъ. Колоколъ. № 122.)

Когда у Бакунина являлись проблески надежды на русскаго царя, какъ это было по отношенію къ Александру II, сумѣвшему многихъ очаровать, то опять единственный вѣрный путь онъ видитъ въ отреченіи отъ нѣмецкой политики, въ освобожденіи Польши и въ тѣсномъ единеніи съ прочимъ славянскимъ міромъ.

„Онъ (Александръ II) долженъ былъ это сдѣлать (освободить Польшу) и по справедливости и для освобожденія Россіи отъ ненужной тяготы и отъ еще менѣе нужнаго безчестія, и для того чтобы, освободившись разъ на всегда отъ нѣмцевъ, открыть себѣ широкія ворота въ славянскій міръ". (М. Б-нъ. Р-въ, П-въ или П-ль. стр. 215.)

Въ такой формѣ вылились на бумагу славянскія симпатіи Бакунина, такова приблизительно была его широкая славянская программа, Изъ всего выше сказаннаго мы видимъ, что онъ былъ далекъ отъ присяжныхъ славянофиловъ и отъ ихъ мессіанизма, обращающаго взоры назадъ. У Бакунина была большая вѣра въ свѣжесть и цѣнность славянъ, въ ихъ полную противоположность германской рассѣ, осуществившей чудовищный союъ науки и грубой силы для порабощенія всего человѣчества. Наиболѣе яркимъ выраженіемъ его мессіанизма, если можно этимъ именемъ назвать его убежденіе, мы находимъ въ слѣдующей фразѣ „Воззванія къ славянамъ": „славяне могутъ и должны перелить свою внутреннюю политику, какъ свѣжіе весенніе соки, въ жилахъ окоченѣлой европейской народной жизни".

Первымъ, извѣстнымъ намъ, славянскимъ выступленіемъ Бакунина можно считать рѣчъ произнесенную 29-го ноября 1847 года въ Парижѣ въ семнадцатую годовщину Варшавскаго возстанія, заканчивавшуюся словами: „русско-польское примиреніе будетъ и освобожденіе всѣхъ славянскихъ народовъ, которые стонутъ подъ игомъ иностранцевъ". Къ тому же 1847 году относится замѣчаніе іезуита Зеленскаго, что „передъ 1848 годомъ онъ (Бакунинъ) бросился съ горячкой на основаніе лиги славянъ". Что это была за лига, кто въ нее входилъ, къ сожалѣнію ничего не извѣстно подробно. Драгомановъ отвергаетъ самую возможность существованія подобнаго сообщества, но это

намъ кажется не вполнѣ осмотрительнымъ, въ виду того, что кромѣ уже изложеннаго упоминанія, имѣется еще одно подтвержденіе его возникновенія. А. Руге въ своей книгѣ „Briefwechsel“ упоминаетъ, что Бакунинъ для своей цѣли собралъ около себя нѣсколько русскихъ; онъ вступилъ въ сношенія съ чехами, и тогда было положено, что въ Прагѣ соберется конгрессъ славянъ, для того чтобы различныя племена ихъ могли придти къ соглашенію“. Какъ видно изъ этихъ строкъ, Руге придавалъ даже такое рѣшающее значеніе, ссбравшейся вокругъ Бакунина кучкѣ славянъ, а исвѣстно, что Руге былъ очень близокъ съ Бакунинымъ, и слѣдовательно его свидѣтельство можно считать заслуживающимъ довѣрія. Такимъ образомъ мы подходимъ къ славянскому съѣзду въ Прагѣ, созванному въ 1848 году для урегулированія отношеній между австрійскими славянами, но въ которомъ приняли участіе и зарубежныя народности, приглашенныя на положеніи гостей. Герценъ, говоря о своемъ пріѣздѣ изъ Рима, въ уже возбужденный Парижъ, упоминаетъ и о Бакунинѣ, который въ началѣ мая 1848 года“ уже витійствовалъ въ Богеміи, окруженный старовѣрческими монахами, чехами, кроатами, демократами, и витійствовалъ до тѣхъ поръ, пока князь Виндишгрецъ не положилъ пушками предѣлъ краснорѣчію. (Герценъ. М. Б-нъ и польское дѣло. стр. 485.)

Хотя неавстрійскіе славяне, и въ томъ числѣ Бакунинъ, считались гостями, но именно Михаилъ Александровичъ, избранный въ члены дипломатическаго комитета, имѣлъ большое вліяніе на ходъ переговоровъ и выработку программъ и вносилъ наибольшую жизнь въ конфиденціальныя собранія секцій. „Возваніе къ европейскиимъ народамъ,“ окончательная редакція котораго принадлежала Палацкому, можетъ считаться сочиненіемъ Бакунина. Манифеста этого достаточно, чтобы снять, съ одной стороны, съ Пражскаго съѣз-

да обвиненія въ реакціонности, которыя бросали въ него нѣмецкіе и мадьярскіе либералы; съ другой, упреки въ безпочвенности, западничествѣ и желаніи разрушенія всего сушествующаго, которыми часто клеймили Бакунина. Кромѣ участія въ составленіи воззванія извѣстно, что Бакунинымъ былъ внесенъ какой-то проэктъ, который немогъ быть принять въ виду того что касался не исключительно австрійскихъ славянъ, а обнималъ и друія вѣтви. По всей вѣроятности это предложеніе идентично съ той статьей, что была въ тоже время напечатана въ польской газетѣ и заключала въ себѣ проектъ славянскаго совѣта, который бы разрѣшалъ всѣ недоразумѣнія между братски соедененными племенами. На съѣздѣ Бакунинъ офиціально примкнулъ въ польской секціи, въ виду того что русской не могло образоваться, т. к. изъ русскихъ кромѣ Бакунина былъ лишь одинъ старообрядческій священникъ Милорадовичъ изъ Бѣлой Криницы въ Буковинѣ. Своей импозантной фигурой, зажигательными рѣчами, удивительной простотой обращенія, и почти дѣтской незлобивостью Бакунинъ пріобрѣлъ симпатіи не только чешской молодежи, но возбудилъ глубокое уваженіе и у старшаго поколѣнія. Для пражскихъ студентовъ онъ былъ настоящимъ кумиромъ.

За свое краткое существованіе съѣздъ не привелъ въ исполненіе ни одного проекта кромѣ „воззванія къ европейскимъ народамъ,“ т. к. уже 12-го іюня началось Святодуховское возстанія, въ которомъ Бакунинъ также принималъ немалое участіе. Здѣсь не мѣсто излагать подробно ходъ и исторію этой революціи необходимо лишь упомянуть, что толпа, у которой не было никакихъ опредѣленныхъ плановъ, управлялась кучкой лицъ, въ числѣ которыхъ былъ и Бакунинъ образовавшихъ тайное правительство, и засѣвшихъ въ Клементинумѣ, откуда, при каждой попыткѣ завести

мирные переговоры, исходилъ приказъ о новомъ сопротивленіи.

Когда возстаніе было подавлено, Бакунину пришлось бѣжать и скитаться около года по Германіи. Только въ 1849 году онъ обосновался въ Лейпцигѣ, гдѣ былъ окруженъ группой студентовъ чеховъ. Какъ извѣстно, Бакунинъ предполагалъ, что въ Чехіи вспыхнетъ скоро всеобщая революція и старался ее немного замедлить, желая соединить съ революціями другихъ народовъ. Къ этому же періоду жизни относится его статья „Призывъ къ славянамъ", напечатанная на нѣмецкомъ языкѣ въ видахъ пропогады.

Какъ могъ позднѣе убѣдиться Бакунинъ на личномъ опытѣ, нѣмцы нисколько не сочувствовали славянскимъ стремленіямъ и всѣ призывы остались втунѣ.

Вскорѣ послѣ этого Бакунинъ былъ взятъ въ Хемницѣ, и на долгіе годы лишенъ возможности принимать участіе въ какихъ бы то ни было дѣлахъ. Все имъ пережитое отъ 1849 по 1862 годъ дѣлаетъ его столь выдающейся личностью, мимо которой, по словамъ Герцена, не могли пройти ни современники, ни исторія.

Бѣжавъ изъ Сибири, Бакунинъ еще съ дороги обратился къ своимъ старымъ друзьямъ Герцену и Огареву съ просьбой принять его и позволить работать по славянскимъ дѣламъ, какъ было уже упомянуто въ самомъ началѣ нашей замѣтки въ письмѣ изъ С. Франциско. Сейчайсъ же по прибыбытіи въ Лондонъ онъ началъ группировать вокругъ себя славянъ различныхъ національностей, главнымъ образомъ поляковъ, и писать въ Колоколѣ и въ отдѣльныхъ брошурахъ по славянскому вопросу. Въ это же время вышла его книга „Романовъ Пугачевъ или Пестель", къ которой наша статья служитъ лишь краткимъ, предисловіемъ, и въ которой такъ ярко и выпукло отразились славянскіе взгляды и симпатіи Ба-

кунина. Отъ 1862 по 1874 годъ т. е. по годъ смерти самымъ большимъ славянскимъ предпріятіемъ Бакунина было участіе въ польскомъ возстаніи. Въ настоящей статьѣ мы органичимся лишь упоминаніемъ объ этомъ великомъ дѣлѣ, которому намѣрены посвятить особый очеркъ, и перейдемъ для заключенія къ славянскимъ организаціямъ самыхъ послѣднихъ лѣтъ жизни великаго эмигранта. Передъ нами лежитъ программа славянской секціи въ Цюрихѣ и программа, приложенная къ статьѣ, предназначавшейся для польскаго журнала „Gmina".

Какъ та, такъ и другая написаны очевидно около 1872 года, т. е. за два года до смерти, въ то самое время, на которое указываютъ, какъ на наиболѣе анархическій періодъ творчества и дѣятельности Бакунина, въ который онъ не признавалъ, будто бы, ни науки, ни какой бы то ни было организаціи; но какъ въ первой, такъ и во второй статьѣ свѣтится прежній лучезарный духъ и прежнія симпатіи. Для такого анархиста, какимъ принято выставлять Бакунина, казалось не мыслимо было и само понятіе національной секціи, однако мы видимъ, что идея націи имѣется на лицо все время развивается. Это происходитъ оттого, что для Бакунина анархія не заключалась исключительно въ разрушеніи, а и созданіи федеральнаго союза общинъ въ области, а областей въ еще большіе союзы, причемъ придавалось большое значеніе національностямъ и племенамъ. Въ концѣ своей жизни онъ съ удивительной послѣдовательностью повторялъ то, что сказалъ въ началѣ: „духъ разрушенія есть духъ созиданія". Эта теорія даетъ Бакунину видное мѣсто среди немногихъ проповѣдниковъ федерализма въ Россіи и среди славянства. Итакъ возвращаясь къ его программѣ мы находимъ въ § 10 тѣ же ноты, что и въ юныхъ и въ давнихъ провозглашеніяхъ, и по прежнему слышимъ, „что славянская секція, стремясь къ освобожденію сла-

вянскихъ народовъ, вовсе не предполагаетъ организовать особый славянскій міръ, враждебный, изъ чувства національнаго, народамъ другихъ рассъ",

Какъ мало эти панславистскія вожделенія похожи на чувства Лассаля, аплодировавшаго Р. Ягецкому, который признавалъ славянъ не за націи, а за рассы, которыя имѣютъ одно право: „быть ассимилированными великими культурными націями."

Въ 6-омъ параграфѣ программы, приложенной къ статьѣ, предназначенной въ польскій журналъ, мы видимъ аналогичные призывы къ освобожденію славянскихъ народовъ и завѣренія полной лояльности по отношенію къ другимъ сосѣднимъ племенамъ. „Мы подаемъ братскую руку всѣмъ братьямъ великаго славянскаго племени, порабощенымъ такъ же, какъ и мы сами подъ чужеземнымъ игомъ, московскимъ, нѣмецкимъ, мадьярскимъ или турецкимъ. Убѣжденные въ ихъ несомнѣнномъ правѣ на независимое существованіе и народное развитіе, мы готовы вступить съ ними въ тѣсный союзъ противъ нашихъ и ихъ притѣснителей, къ какой бы народности эти притѣснители не принадлежали."

Въ этой короткой статьѣ мы старались дать, на сколько было возможно, обликъ колоссальной фигуры Бакунина, бывшаго, подъ часъ безсознательно, славяниномъ до мозга костей, не только въ своихъ симпатіяхъ, но и въ мельчайшихъ дѣйствіяхъ. Въ эпоху когда онъ жилъ въ Россіи, создались условія, при которыхъ абсолютно не могло быть спроса на его дѣятельность, за границей же, куда онъ эмигрировалъ, онъ тоже былъ не по плечу своимъ размахомъ и порывами. Западные дѣятели, въ большинствѣ случаевъ такіе же изгнанники, какъ и онъ, были заняты своими локальными въ большинствѣ случаевъ, довольно мелкими интересами, и среди нихъ, какъ положимъ и всюду, онъ казался великаномъ. „Дѣятельность его, праздъ-

ность, аппетитъ, и все остальное, какъ гигантскій ростъ и вѣчный потъ, все было не по человѣческимъ размѣрамъ, какъ онъ самъ, а самъ онъ—исполинъ съ львиной головой, съ всклокоченной гривой« (Герценъ.- М. Бакунинъ и польское дѣло. стр. 488, т. 3)

Родись онъ въ другое время, онъ могъ бы совершить небывалыя дѣянія и послѣ него осталось бы не нѣсколько десятковъ, разбросанныхъ по европейскимъ журналамъ статей, а трудъ неизмѣримой важности и цѣны.

Но то, что мы сейчасъ имѣемъ, собраннымъ по русскимъ и заграничнымъ изданіямъ, мы должны бережно хранить и передать потомству, мы должны. въ особенности въ данный моментъ, читать и перечитывать его статьи, черпать изъ нихъ все, что можно примѣнить съ пользой для блага родины. „Онъ былъ бы въ Римѣ Брутъ, въ Аѳинахъ Периклесъ, у насъ"... у насъ онъ былъ замученъ и изгнанъ, но „душа славянства—лира золотая въ себѣ вмѣстила много струнъ она" и звучитъ дивно эта русская струна до нашихъ дней, какъ ни старались ее заглушить или оборвать.

Въ дни когда наступила свобода, которую онъ такъ страстно желалъ, за которую отдавалъ жизнь и силы, пусть увидятъ свѣтъ въ Россіи его труды, т. к. именно для нея онъ писалъ, о ея благѣ думалъ, говоря и въ Лондонѣ, и въ Швейцаріи, и въ Италіи. Гдѣ бы онъ ни работалъ, сердце его рвалось на родину, и скорбѣло о ней. Воздадимъ же ему должное, памятуя, что въ дѣло нашей свободы онъ внесъ не малую лепту.

Н. Мельникова.

Романовъ, Пугачевъ или Пестель?

Времена что ни день становятся серьезнѣе. Наступила и для русскихъ пора дѣла. Замолкъ праздный шумъ, упаенной собою литературы. Подъ гнетомъ современныхъ и еще болѣе грозныхъ будущихъ обстоятельствъ, ожидаемыхъ и предвидимыхъ всѣми, люди наименѣе серьезные, наиболѣе развращенные болтовнею литературною, призадумались. Полно болтать, опасно болтать, преступно болтать. Вѣдь дѣло идетъ о спасеніи себя, семьи, имущества, о спасеніи Россіи отъ кровавыхъ несчастій, отъ конечнаго разоренія. Всякій долженъ теперь разсмыслить серьезно и свои политическія вѣрованія и свое положеніе, а размысливъ рѣшиться: куда, къ чему, съ кѣмъ и за кѣмъ идти?

Теперь только наступаетъ въ Россіи время дѣйствительнаго образованія и развитія партіи. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ очень много людей не знали еще сами къ какому они принадлежатъ лагерю. Было, правда, много ученыхъ раздѣленій и подраздѣленіи въ теоріи, но на практикѣ они не разъединяли людей, потому что не было ясно опредѣлено и практической цѣли.

Болтливо—шумною толпою стремились всѣ впередъ, на свободу, иные по убѣжденію, другіе по инстинкту, третьи по модѣ, и, наконецъ, остальные изъ страха и, казалось, что въ этой толпѣ все единомышленники и братья. Но вотъ засвѣтилось первое, сла-

бое зарево тѣхъ пожаровъ, которыми грозитъ, можетъ быть, кровавая русская революція и замолкъ гулъ праздной толпы. Она пріутихла.—Пожары были совершенно случайны; такіе пожары—обыкновенное, почти періодическое явленіе въ Россіи. Но возбужденныя политическія страсти, а главное подлый страхъ, скрывающійся нерѣдко за нашимъ шумливымъ геройствомъ, придали нынѣ петербурскимъ пожарамъ другое значеніе, правительство первое дало примѣръ. Оно нашло полезнымъ обвинить въ поджогѣ передовую молодежь и распространить эту клевету между народомъ, дабы возбудить его противъ студентовъ. Въ прежнее время никто изъ литераторствущей порядочной публики не смѣлъ присоединить своего голоса къ клеветливому воплю изъ—ума—вонъ испуганной власти. Того бы не потерпѣло общественное мнѣніе, которое даже при самомъ Николаѣ умѣло клеймить продажную литературу и летираторовъ третьяго отдѣленія. Теперь имъ лафа. Пользуясь общимъ испугомъ публики, непривыкшей еще къ общественнымъ потрясеніямъ, знакомой только съ болтовней, а не съ дѣломъ, они смѣло подняли свое знамя. А для того, чтобъ не испугать слабыхъ людей излишнею откровенностью, они написали на немъ слово „Прогрессъ“, искусно прикрывая клевету и доносъ недорогими либеральными фразами. И, нѣтъ сомнѣнія, что они пріобрѣтутъ на первое время, но только на короткое время, значительную популярность. Николаевскій періодъ развилъ въ Россіи очень много дряблыхъ душъ, безъ страсти въ сердцѣ, безъ живой мысли въ головѣ, но съ великолѣпными фразами на языкѣ. Этимъ людямъ въ послѣднее время становилось между нами неловко. Они чувствовали, что дѣло доходитъ до дѣлъ, до жертвы. . . Ихъ много и они всѣ пойдутъ подъ доктринерское знамя, подъ сѣнь благодушащаго правительства. Благо отступленіе открыто и для измѣны есть благовидный предлогъ, а для

прикрытія ея великодушная фраза: „мы стоимъ за цивилизацію противъ варварства“, то есть за нѣмцевъ противъ русскаго народа. . . Чтожъ, съ Богомъ, идите! Намъ остается пожелать вамъ добраго пути, да успѣхъ на новомъ поприщѣ. Только смотрите, не ошибитесь въ расчетѣ: случалось не рѣдко что тѣ зданія, подъ которыми люди скрывались отъ бури, бывали первыя поражены громомъ.

Очистившись отъ старыхъ друзей, сомнительныхъ и слабонервныхъ, мы стали сильнѣе. Намъ нужны люди, которые до конца были бы преданы народному дѣлу, и на которыхъ потому можно было бы разсчитывать, ибо теперь наша партія окончательно стала партіею дѣла. А наше дѣло—служитъ революціи.

Многіе еще разсуждаютъ о томъ, будетъ ли въ Россіи революція или не будетъ? не замѣчая того, что въ Россіи уже теперь революція. Она началась послѣдовательно, широко проникла во всѣ суставы умирающаго отъ дряхлости государства и возобновляющейся общественной жизни, она царитъ во всѣхъ, вездѣ и во всемъ, дѣйствуетъ руками правительства еще успѣшнѣе даже, чѣмъ усиліями своихъ приверженцевъ, и не успокоится, не остановится до тѣхъ поръ, пока не переродитъ русскаго міра, пока не воздвигнетъ и не создастъ новаго славянскаго міра.

Династія явно губитъ себя. Она ищетъ спасенія въ прекращеніи, а не въ поощреніи проснувшейся народной жизни, которая, еслибъ была понята, могла бы поднять царскій домъ на невѣдомую доселѣ высоту могущества и славы. Но гдѣ высота, тамъ и бездна, и непонятая, оскорбленная, разъяренная смѣшными попытками пигмеевъ удержать ея неприклонно логическое теченіе, та же народная жизнь можетъ сбросить его, со всѣми его нѣмецкими совѣтниками и доморощенными доктринерами, со всею бюрократическою и полицейскою сволочью, въ бездонную пропасть... А жаль!

Рѣдко царскому дому выпадала на долю такая величавая, такая благородная роль. Александръ II могъ бы такъ легко сдѣлаться народнымъ кумиромъ, первымъ русскимъ земскимъ царемъ, могучимъ не страхомъ и не гнуснымъ насиліемъ, но любовью, свободою, благоденствіемъ своего народа. Опираясь на этотъ народъ, онъ могъ бы стать спасителемъ и главою всего славянскаго міра. Для этого не нужно было генія, ни даже той макіавеллистической науки, которою такъ искусно и такъ усиленно держатся другіе. Нужно было только широкое, въ благодушіи и въ правдѣ, крѣпкое русское сердце. Вся русская, да и вся славянская живая дѣятельность просилась ему въ руки, готовая служить пьедесталомъ для его историческаго величія. Самое царствованіе отца, гибельное для Россіи и для славянъ во всѣхъ отношеніяхъ, должно было служить ему наукою и вмѣстѣ отрицательною рекомендаціею въ глазахъ народовъ. Николай душилъ Польшу; Александръ долженъ былъ освободить Польшу со всѣмъ, что хочетъ быть Польшей. Онъ долженъ сдѣлать это и по справедливости и для освобожденія Россіи отъ ненужной тяготы и отъ еще менѣе нужнаго безчестія, и для того, чтобъ, освободившись разъ навсегда отъ нѣмцевъ, открыть себѣ широкія ворота въ славянскій міръ. Николай довелъ до крайняго безумія систему петровскую, систему отрицанія и придушенія народа во имя нѣмецкаго государства; онъ до того напрягъ искуственныя силы этого государства, что оно надломилось и треснуло, убивъ его самаго. Александръ долженъ бы былъ почувствовать, что безобразное зданіе, стоившее милліоновъ человѣческихъ жертвъ, потоковъ и своей, и чужой крови, держаться долѣе не можетъ, и что никакихъ силъ недостанетъ удержать его отъ конечнаго паденія. На развалинахъ петровскаго государства можетъ существовать только Россія Земская, живой народъ. Для народа нужно было расчистить мѣсто.

Казалось сначала, что Александръ II понималъ свое назначеніе, по краней мѣрѣ въ отношеніи къ Россіи, потому что въ Польшѣ онъ съ перваго раза тремя словами испортилъ все свое положеніе. И сколько преступленій, сколько несчастій, сколько безчестія для насъ и кровавыхъ жертвъ для поляковъ вытекло изъ этихъ трехъ словъ: „Point de reveries“. Теперь всякій можетъ рѣшить, кто безумно, преступно мечталъ поляки или Александръ Николаевичъ?

Его начало въ Россіи было великолѣпно. Онъ объявилъ свободу народу, свободу и новою жизнь послѣ тысячелѣтняго рабства. Казалось, онъ хотѣлъ земской Россіи, потому что въ государствѣ петровскомъ свободный народъ немыслимъ. 19 февраля 1861 года, несмотря на всѣ промахи, недостатки, уродливыя противорѣчія и не менѣе безобразныя тѣсноты указа объ освобожденіи крестьянъ, Александръ былъ самымъ великимъ, самымъ любимымъ, самымъ могучимъ царемъ, который когда-либо царствовалъ въ Россіи. Но онъ такъ мало понималъ это, такъ мало зналъ, чувствовалъ душу народную, онъ до такой степени нѣмецъ, что въ этотъ самый день, торжественнѣйшій изъ торжественныхъ дней въ русской исторіи, онъ прятался въ своемъ дворцѣ и окружалъ себя кар аулами, боясь народнаго бунта. Видно совѣсть была не чиста, видно онъ замышлялъ недоброе, видно онъ не хотѣлъ настоящей свободы народу, который вѣрилъ, да и все еще вѣритъ въ него до безумія.

И въ самомъ дѣлѣ не была чиста совѣсть: Александръ II и не мыслилъ о свободѣ народа. Она была бы противна всѣмъ инстинктамъ его. Нѣмецъ никогда не пойметъ и не полюбитъ земской Россіи, и въ то время, какъ русскій народъ ждалъ отъ него новой жизни, онъ вмѣстѣ съ совѣтниками своими думалъ только о томъ, какъ бы укрѣпить, возстановить и если можно расширить двухвѣковую причину русской без-

жизненности, народоненавистное тюремное зданіе петровскаго государства. Задумавъ гибельное, невозможное, онъ губитъ себя и свой домъ, и готовъ ввергнуть Россію въ кровавую революцію. Генія Петра Великаго не достало бы теперь на такое дѣло, а онъ предпринялъ его.

Отсутствіемъ русскаго смысла и народолюбиваго сердца въцарѣ, безумнымъ стремленіемъ удержать во что бы то ни стало петровское государство, объясняются вполнѣ и всѣ противорѣчія указа объ освобожденіи столь же разорительная, сколь и опасная нелѣпость переходнаго состоянія, и безчеловѣчно глупое стрѣляніе по невиннымъ крестьянамъ въ разныхъ губерніяхъ, и объявленіе царя народу, что не будетъ ему другой воли, и студенческія исторіи, и заключеніе въ крѣпость тверскихъ дворянъ, и упорное желаніе правительства сохранить сословіе дворянское наперекоръ волѣ самого дворянства, и теперешній терроризмъ, и, наконецъ, послѣднее слово: Липранди! Липранди, убитый общимъ презрѣніемъ. Онъ зовется на помощь, онъ будетъ спасать Россію!.. Жребій брошенъ. Для Александра II, кажется, нѣтъ болѣе возврата на другую дорогу. Не мы, онъ главный революціонеръ въ Россіи, и да падетъ на его голову кровь, которая прольется!

А онъ, и только онъ одинъ, могъ совершить въ Россіи величайшую и благодѣтельнѣйшую революцію, не проливъ капли крови. Онъ можетъ еще и теперь: если мы отчаиваемся въ мирномъ исходѣ, такъ это не потому, чтобъ было поздно, а потому, что мы отчаялись, наконецъ, въ способности Александра Николаевича понять единственный путь, на которомъ онъ можетъ спасти себя и Россію. Остановить движеніе народа, пробудившагося послѣ тысячилѣтняго сна, невозможно. Но еслибъ царь сталъ твердо и смѣло во главѣ самаго движенія, тогда бы его могуществу на добро и на славу Россіи не было бы мѣры. На этомъ пути опасности нѣтъ никакой, успѣхъ вѣрный.

Народу нужна земля —отдайте ему всю землю. А чтобъ не разорить собственниковъ мнимымъ выкупомъ, пусть выкупается она не крестьянами, а цѣлымъ государствомъ. Народу нужна воля, полная воля движенія, занятій. . . Такъ дайте ему эту волю, избавьте его изъ подъ опеки правительственной, которая его всегда угнетала да разоряла, избавьте его отъ чиновниковъ, которыхъ онъ ненавидитъ, наравнѣ съ дворянами. Дайте ему полное самоуправіе общинное, волостное, областное и государственное. Народу ненавистны сословія, созданные вашими прадѣдами для притѣсненія народа; такъ уничтожьте эти сословія, которыя сами теперь готовы отказаться отъ всѣхъ своихъ преимуществъ, отчасти потому, что преимущества эти стали ничтожны, отчасти по благородному побужденію, отчасти же отъ страха Пусть будетъ въ Россіи одинъ нераздѣльный народъ. И не бойтесь, онъ будетъ въ состояніи самъ собою управляться. Народъ знаетъ своихъ людей, и въ этихъ людяхъ, повѣрьте, болѣе дѣльнаго смысла, чѣмъ во взросшемъ въ блудномъ бездѣліи дворянствѣ. Не бойтесь также, что черезъ областное самоуправленіе разорвется связь провинцій между собою, рушится единство русской земли. Вѣдь автономія провинцій будетъ только административная, внутреннезаконодательная, юридическая, а не политическая. И ни въ одной странѣ, исключая можетъ быть Франціи, нѣтъ въ народѣ такого смысла единства строя, государственной цѣлости и величія народнаго, какъ въ Россіи. Только во Франціи, присоединяется къ этому страсть бюрократическая; въ Россіи ея нѣтъ. Чиновникъ противенъ народу, а бюрократическая централизація необходимымъ насиліемъ своимъ только отталкиваетъ его отъ единства; и только тогда воцарится дѣйствительная, вольная цѣлость въ русской землѣ, когда чиновническе управленіе замѣнится въ ней самоуправленіемъ народнымъ. Единство земли русской, нахо-

дившее доселѣ свое выраженіе только въ царѣ, требуетъ теперь еще другого представительства: Всенароднаго Земскаго Собора.

Говорятъ, что въ Петербургѣ боятся пуще всего земской Думы; опасаются, что съ нею начнется революція въ Россіи. Да неужели же тамъ въ самомъ дѣлѣ не понимаютъ, что революція давно началась? Пусть посмотрятъ вокругъ себя, въ самихъ себя, пусть сравнятъ свое настроеніе духа съ тѣмъ, что чувствовалось правительствомъ при императорѣ Николаѣ,—и пусть скажутъ: развѣ это не коренная и не полная революція? Вы слѣпы, это правда. Но неужели слѣпота ваша дошла до такой степени, что вы думаете—можно воротиться назадъ или отдѣлаться шутками? И такъ не въ томъ вопросъ, будетъ или не будетъ революція, а въ томъ: будетъ ли исходъ ея мирный или кровавый? Онъ будетъ мирный и благодатный если царь, ставъ во главѣ движенія народнаго, вмѣстѣ съ земскимъ соборомъ, приступитъ широко и рѣшительно къ коренному пресбразованію Россіи въ духѣ свободы и земства. Ну, а если ослѣпленный царь задумаетъ идти вспять, или остановиться на полумѣрахъ или станетъ искать спасенія въ Липранди,—исходъ будетъ ужасный. Тогда революція приметъ характеръ безпощадной рѣзни, не вслѣдствіе прокламацій и заговоровъ восторженной молодежи, а вслѣдствіе возстанія народнаго. На Александрѣ Николаевичѣ лежитъ теперь отвѣтственность страшная. Онъ можетъ еще спасти Россію отъ конечнаго разоренія, отъ крови. Сдѣлаетъ ли онъ? Захочетъ ли онъ?

Безъ Собора Земскаго онъ онъ не сдѣлаетъ ничего. Только Земскій Соборъ способенъ умиротворить Россію, возстановить кредитъ публичный и частный, устроить и обезпечить выкупъ земли и возвратить потрясенному обществу спокойствіе и вѣру. А самодержавіе?, скажете вы.—Да развѣ оно дѣйствительно су-

ществуетъ? Это капризъ, вчера Панина, сегодня Головина, завтра Липранди. Это безконтрольное право на зло, немощь на добро.—право быть пассивнымъ и далеко не почетнымъ орудіемъ въ рукахъ лакеевъ придворныхъ, министерскихъ и канцелярскихъ,—право чуждаться Россіи, не знать ея, мутить ее,—право ввергнуть ее въ кровавую революцію.

Ну, а если Земскій Соборъ будетъ враждебенъ царю?—Да, возможно ли это! Вѣдь посылать на него свохъ выборныхъ будетъ народъ, до сихъ поръ еще безгранично въ царя вѣрующій, всего отъ него ожидающій. Откуда жъ взяться враждѣ? Нѣтъ сомнѣенія въ томъ, что еслибы царь созвалъ теперь же Земскій Соборъ, онъ въ первые увидѣлъ бы себя окруженнымъ людьми, дѣйствительно ему преданными. Продолжись безурядица еще нѣсколько лѣтъ, расположеніе народа можетъ перемѣниться. Въ наше время быстро живется. Но теперь народъ за царя, и противъ дворянства, и противъ чиновничества, и противъ всего, что носитъ нѣмецкое платье. Для него всѣ враги въ этомъ лагерѣ офиціальной Россіи, всѣ—кромѣ царя. Кто жъ станетъ говорить ему противъ царя? А еслибъ кто и сталъ говорить, развѣ народъ ему повѣритъ? Не царь ли освободилъ крестьянъ противъ воли дворянъ, противъ совокупнаго желанія чиновничества?

Разочаровать народъ, потрясти его вѣру въ царя можетъ только самъ царь. Вотъ гдѣ опасность и, можетъ быть, главная причина того паническаго страха, который ощущаютъ въ Петербургѣ при одномъ словѣ: „Земскій Соборъ“. И въ самомъ дѣлѣ, послѣ двухсотлѣтняго отчужденія, русскій народъ, черезъ своихъ представителей, въ первый разъ встрѣтится лицомъ къ лицу съ своимъ царемъ. Минута рѣшительная, минута въ высшей степени критическая! Какъ понравятся они другъ другу? Отъ этой встрѣчи будетъ зависѣть вся будущность и царей и Россіи.

Двѣсти лѣтъ стоналъ русскій народъ подъ гнетомъ Московско-Петербургскаго государства и переносилъ такія тягости, такія терзанія, такія мытарства, какихъ иноземецъ себѣ представить не можетъ. Прямою причиной всѣхъ бѣдствій были цари. Они, позабывъ клятву своего родоначальника, народнаго избранника Михала Романова, создали эту чудовищную самодержавную централизацію и окрестили ее въ народной крови. Они образовали народу противныя касты, и духовную и чиновно-дворянскую, какъ орудія для губительнаго самовластія, и отдали имъ народъ, однимъ въ духовное, другимъ въ тѣлесное рабство. Ихъ силою, волею, ихъ прямымъ покровительствомъ держались единственно и буйный произволъ полудикаго дворянина и притѣснительное варварство чиновниковъ. Цари, до самой послѣдней минуты, смотрѣли на русскій народъ съ презрѣніемъ горшечника къ глинѣ, какъ на бездушный матерьялъ, обязанный принять по ихъ произволу любую форму. Въ концѣ царствованія Николая, одинъ генералъ изъ нѣмцевъ говорилъ полковнику, командиру образцоваго полка, принявшему партію несчастныхъ мужиковъ-рекрутъ: „Вы мнѣ хоть половину изъ нихъ убейте, но чтобъ другая за то была вымуштрована на славу". И что нѣмецъ осмѣлился высказать громко, другіе дѣлали въ тихомолку. Жизнь простого человѣка кростьянина, мѣщмнина, была нипочемъ. Система царская истребила такимъ оброзомъ, въ продолженіи какихъ нибудь трехсотъ лѣтъ, далеко болѣе милліона человѣческихъ жертвъ, — такъ, безъ всякой нужды, просто вслѣдствіе какого то скотскаго пренебреженія къ человѣческому праву и къ человѣческой жизни. И въ то время, когда дикое, разоренное въ пухъ дворянство сорило народными деньгами, не менѣе блудные не менѣе дикіе и безъ сомнѣнія болѣе виновные цари наши сорили людьми.

Но фактъ замѣчательный! Русскій народъ, хотя

и главная жертва царизма, не потерялъ вѣры въ царя. Бѣды свои онъ приписываетъ кому и чему вамъ угодно и помѣщикамъ, и чиновникамъ, и попамъ, только отнюдь не царю. Есть правда, секты въ расколѣ, переставшія за него молиться: есть другія, тайно ненавидящія царскую власть. Но это отрицаніе, хоть выработавшееся въ средѣ народа, далеко не выражаетъ народное большинство, которое еще крѣпко держится своей вѣры въ царя. Здѣсь не мѣсто углубляться въ причину этого факта многозначительнаго, потому что, рады ли мы ему или нѣтъ, онъ обусловливетъ непремѣнно и наше положеніе и нашу дѣятельность. Въ другомъ мѣстѣ я старался объяснить его тѣмъ, что народъ почитаетъ въ царѣ символическое представленіе единства, величія и славы русской земли. И думаю, что я не ошибаюся. Но этого мало: другіе, болѣе христіанскіе народы, когда имъ приходится жутко, а возстаніе по какимъ бы то ни было причинамъ кажется невозможно, ищутъ своего утѣшенія въ вознагражденіи за гробномъ, въ небесномъ царѣ, на томъ свѣтѣ. Русскій народъ, по преимуществу, реальный народъ. Ему и утѣшеніе то надо земное; земной богъ—царь, лицо въ прочемъ довольно идеальное, хоть и облеченное въ плоть и въ человѣческій образъ и заключающее въ себѣ самую злую иронію противъ царей дѣйствительныхъ. Царь—идеалъ русскаго народа, это родъ русскаго Христа, отецъ и кормилецъ русскаго народа, весь проникнутый любовью къ небу и мыслью о его благѣ. Онъ давно далъ бы народу все что нужно ему —и волю и землю. Да онъ самъ бѣдный—въ неволѣ: лиходѣи бояре да злое чиновничество вяжутъ его. Но вотъ наступитъ время, когда онъ воспрянетъ и позвавъ народъ свой на помощь, истребитъ дворянъ и поповъ, и начальство, и тогда наступитъ въ Россіи пора золотой воли! Вотъ кажется, смыслъ народной вѣры въ царя. Вотъ чего онъ ждетъ отъ него въ Фе-

ралѣ и въ Мартѣ 1863 г. Вѣдь онъ, больше трехсотъ лѣтъ, проведенныхъ въ неизъяснимыхъ мукахъ, ждетъ слова царскаго и воскресенія; и теперь, когда всѣ надежды, всѣ ожиданія его оживились предварительнымъ обѣщаніемъ царя, согласится ли онъ ожидать еще болѣе? —Не думаю.

Въ 1863 году быть въ Россіи страшной бѣдѣ, если царь не рѣшится созвать всенародную Земскую Думу... И вотъ народъ пошлетъ своихъ выборныхъ къ царю-избавителю, Довѣрію и преданности посланцевъ народныхъ къ царю не будетъ предѣловъ,—и, опираясь на нихъ, встрѣтивъ ихъ съ равною вѣрою и любовью, и рѣшившись дать добровольно народу то, чего нынѣ нельзя еще болѣе удержать отъ него, царь могъ бы поставить свой тронъ такъ высоко и такъ крѣпко, какъ онъ еще никогда не стоялъ Но что, если вмѣсто царя избавителя, царя земскаго, народныя посланцы встрѣтятъ въ немъ петербургскаго императора въ прусскомъ мундирѣ, тѣсносердечнаго нѣмца, окруженнаго синклитомъ такихъ же нѣмцевъ? Что, если вмѣсто ожидаемой свободы, царь не дастъ ему ничего, или или почти ничего и захочетъ отдѣлаться отъ народа словами да полумѣрами? Ну, тогда не сдобровать и царизму, по крайней мѣрѣ императорскому, петербургскому, нѣмецкому, гольштейнъ-готорнскому. Вѣдь привязанность народа къ царю не придворная, не холопская, а религіозная. И религія народа не небесная, а земная, жаждующая, требующая удовлетворонія себѣ на землѣ. Въ общемъ чувствѣ народномъ обѣтованный часъ исполненія, кажется, насталъ, и народъ не дастъ ему пройти даромъ. Тогда опять кровавая революція.

Но если бы въ этотъ роковой моментъ, когда для цѣлой Россіи будетъ рѣшаться вопросъ о жизни и смерти, о мирѣ и крови, царь земскій предсталъ передъ всенародный соборъ, царь добрый, царь правдивый, любящій Россію болѣе себя и довѣряющій широкой любви

народной, готовый устроить народъ по волѣ его, чего бы не могъ онъ сдѣлать съ такимъ народомъ! Кто смѣлъ бы возстать противъ него? И миръ, и вѣра возстановились бы какъ чудомъ, и деньги нашлись бы, и все бы устроилось просто, естественно, для всѣхъ безобидно, для всѣхъ привольно... Руководимый такимъ царемъ, Земскій Соборъ создалъ бы новую Россію на основаніяхъ вольныхъ, широкихъ, безъ потрясеній, безъ жертвъ, даже безъ усиленной борьбы и безъ шума; потому что воля и нужды народа—ясны, потому что въ немъ выработался умъ крѣпкій и здоровый, зародышъ будущей организаціи,—и потому что злой умыселъ и никакая враждебная сила не были бы въ состояніи бороться противъ соединеннаго могущества царя и народа.

Есть-ли надежда, что такой союзъ состоится? Мы скажемъ прямо, что нѣтъ. Несмотря на несомнѣнную преданность народа къ царю, царь видимымъ образомъ боится его. Боится потому что не любитъ его, потому что не хочетъ поступиться передъ нимъ своею нѣмецкою важностью, своимъ мелкимъ императорскимъ произволомъ, и потому что чувствуетъ, вѣроятно, что съ этимъ народомъ шутить нельзя. Но можетъ быть, онъ рѣшился бы еще довѣриться народу въ надеждѣ на его слѣпую привязанность, еслибъ не боялся пуще всего вліянія передовой революціонной молодежи. Страхъ въ настоящее время еще совершенно напрасный. Какъ ни горько сознаться въ этомъ, но я думаю, что для будущаго успѣха самого революціоннаго дѣла мы должны громко высказать то убѣжденіе, что до сихъ поръ вліяніе нашей партіи на народъ было близко къ нулю. Революціонерная пропаганда еще не нашла къ нему доступа и не умѣла еще потрясти его безумной, его несчастной вѣры въ царя. Никогда еще не чувствовался такъ сильно разрывъ, существующій между народомъ и нами, и никто изъ насъ не перешелъ еще черезъ

пропасть, отдѣляющую насъ отъ него. Мы готовы жить его жизнью, его мыслью, но онъ насъ не знаетъ, и пошелъ бы безъ сомнѣнія противъ насъ за царя, потому что и его онъ также не знаетъ .. И такъ, если вы хотите встрѣтиться съ народомъ, свободнымъ отъ нашихъ вліяній, сзывайте его теперь. Ну, а если пропустите время, то пожалуй наша передовая молодежъ, наша надежда и наша сила, пробьетъ себѣ наконецъ дорогу къ народу и черезъ роковую пропасть подастъ ему руку. Вина будетъ ваша.

И почему молодежь не за васъ, а вся молодежь противъ васъ? Вѣдь это для васъ большое несчастіе; несчастіе потому, что молодежь уже сама по себѣ, составляетъ и право и силу, особенно когда, не заключаясь въ себѣ, собой суетно не довольствуясь, она стремительно, страстно рвется въ народъ, къ службѣ народной. Для такой молодежи нѣтъ непреоборимыхъ препятствій. Народъ, самъ молодой и самъ страстный, рано или поздно призоветъ ее. Почемужъ она противъ васъ? Недавно умершій предводитель демократической партіи въ Соединенныхъ Штатахъ, полковникъ Дугласъ, во время послѣднихъ президентскихъ выборовъ, сказалъ одному изъ своихъ друзей: „наше дѣло потеряно, молодежь противъ насъ"! Глубокое слово! Молодежь, какъ народъ, живетъ болѣе инстинктомъ, а инстинктъ всегда тянетъ ее на сторону жизни, на сторону правды... Съ нею бѣда. Она можетъ ошибиться въ мысляхъ, или вѣрнѣе, въ выраженіи мыслей своихъ,—въ чувствѣ она ошибается рѣдко. А чувство нашей молодежи, всею энергіею своею, отталкиваетъ ее отъ васъ. Вы господа доктринеры всякаго рода, ее ненавидите, какъ вообще не любятъ ея школьные учителя, которые чувствуютъ, что она вправѣ надъ ними смѣяться. Она бѣжитъ васъ, потому что пахнетъ отъ Васъ фарисейскимъ педантствомъ, ложью и смертью; а ей

прежде всего надо жизни, воли да правды. Но почему отстала она отъ царя, почему объявила себя противъ того, кто первый объявилъ свободу народу?

Никто не посмѣетъ упрекать ее въ эгоизмѣ. Она рукоплескала освобожденію крестьянъ и готова теперь отдать все, начиная съ себя, для того только чтобъ русскій народъ былъ свободенъ. Не увлеклась она отвлеченными революціонными идеалами и громкимъ словомъ „республика"? Отчасти, пожалуй, и такъ. Но это весьма поверхностная и второстепенная причина. Большинство нашей передовой молодежи, кажется, хорошо понимаетъ что западныя абстракціи, консервативныя ли, либерально-буржуазныя, или даже демократическія, къ нашему русскому движенію не примѣнимы;— что оно—безъ сомнѣнія—и демократическое и въ высшей степени соціальное, но что оно развивается вмѣстѣ съ тѣмъ при условіяхъ совершенно различныхъ отъ тѣхъ, при которыхъ совершались подобныя же движенія на Западѣ. И первое изъ условій—то, что оно не есть главнымъ образомъ движеніе образованной и привилегированной части Россіи. Таковымъ было оно во времена Декабристовъ. Теперь главную роль въ немъ будетъ играть народъ. Онъ есть главная цѣль и единая, настоящая сила всего движенія. Молодежь понимаетъ, что жить внѣ народа становится дѣломъ невозможнымъ, и что кто хочетъ жить, долженъ жить для него. Въ немъ одномъ жизнь и будущность, внѣ его мертвый міръ. Но этотъ народъ выступаетъ на сцену не какъ листъ бѣлой бумаги, на которомъ всякій по произволу можетъ записать свои любимыя мысли. Нѣтъ, листъ этотъ уже частью исписанъ и хоть осталось на немъ еще много бѣлаго мѣста, допишетъ его самъ народъ. Никому онъ не можетъ поручить этого дѣла, потому что никто въ образованномъ русскомъ мірѣ не жилъ еще его жизнью.

Русскій народъ движется не по отвлеченнымъ принципамъ; онъ не читаетъ ни иностранныхъ, ни русскихъ книгъ, онъ чуждъ западнымъ идеаламъ, и всѣ попытки доктринализма консервативнаго, либеральнаго, даже революціоннаго, подчинить его своему направленію будутъ напрасны. Да ни для кого и ни для чего не отступится онъ отъ своей жизни. А жилъ онъ много потому, что страдалъ много. Несмотря на страшное давленіе императорской системы, даже въ продолженіе этого двухвѣковаго отрицанія, онъ имѣлъ свою внутреннюю живую исторію. У него выработались свои идеалы и составляетъ онъ въ настоящее время могучій, своеобразный, крѣпко въ себѣ заключенный и сплоченный міръ, дышащій весеннею свѣжестью — и чувствуется въ немъ стремительное движеніе впередъ. Наступило, кажется, его время; онъ просится наружу, на свѣтъ, хочетъ сказать свое слово и начать свое явное дѣло. Мы вѣримъ въ его будущность, надѣясь, что свободный отъ закоренѣлыхъ, и на Западѣ въ законъ обратившихся, предразсудковъ религіозныхъ, политическихъ, юридическихъ и соціальныхъ, онъ вь исторію внесетъ новыя начала и создастъ цивилизацію иную: и новую вѣру, и новое право, и новую жизнь.

Передъ этимъ великимъ, серьезнымъ и даже грознымъ лицомъ народа нельзя дурачиться. Молодежь оставитъ смѣшную и противную роль непрошенныхъ школьныхъ учителей мертвецамъ московской и с.-петербургской привилегированной журналистики. Ей самой предстоитъ подвигъ другой, не учительскій, а очистительный, подвигъ сближенія и примиренія съ народомъ. Вѣдь она почти вся, по своему происхожденію, образованію, по привычкамъ жизни и мысли, наконецъ по всѣмъ общественнымъ отношеніямъ своимъ, стоитъ внѣ народа, принадлежа къ тому привилегированному офиціальному міру, который народъ не безъ причины ненавидитъ,

видя въ немъ главный источникъ всѣхъ своихъ бѣдствій. Стремленія ея чисты и благородны; она сама ненавидитъ исключительность своего положенія и готова жертвовать всѣмъ народу, лишь бы только онъ принялъ ее въ свое общеніе. Но народъ не знаетъ ее и, судя ее по платью, по языку, а главное по жизни, столь различной отъ его жизни, принимаетъ ее за врага. Гдѣ жъ тутъ учительствовать! Развѣ безъ вѣры и доброй воли учащагося ученіе возможно? Да наконецъ чему мы станемъ учить? Вѣдь если оставимъ естественныя и математическія науки въ сторонѣ, послѣднимъ словомъ нашей премудрости будетъ отрицаніе такъ называемыхъ непреложныхъ истинъ западнаго ученія, полное отрицаніе Запада. Но народъ нашъ Западомъ никогда не увлекался; потому ему и до отрицанія его нѣтъ никакого дѣла. А главное то, что со своею наукою, мы безконечно бѣднѣе народа. Народъ нашъ, пожалуй, грубъ, безграмотенъ, я не говорю— неразвитъ, потому что у него было свое историческое развитіе, покрѣпче и посущественнѣе нашего;—онъ никакихъ книгъ, кромѣ немногихъ своихъ, еще не читаетъ. Но зато въ немъ есть жизнь, есть сила, есть будущность;—онъ есть... А насъ собственно нѣтъ; наша жизнь пуста и безцѣльна. У насъ нѣтъ ни дѣла, ни поля для дѣла. И если будущность для насъ существуетъ, такъ только въ народѣ. И такъ народъ можетъ и безъ насъ обойтись, мы безъ него не можемъ.

Безъ сомнѣнія, слившись съ народомъ, принятые народомъ, мы можемъ принести ему много пользы. Да, мы принесемъ ему громадный опытъ неудавшейся западной жизни, которую мы вмѣстѣ съ Западомъ пережили, способность обобщенія и точнаго опредѣленія фактовъ, ясность сознанія. Знакомые съ исторіею и наученные чужимъ опытомъ, мы можемъ предохранить

его отъ обмана и помочь ему высказать его волю.— Вотъ и все. Мы принесемъ ему формы для жизни, онъ дастъ намъ жизнь, кто дастъ больше? Разумѣется народъ, а не мы.

Вопросъ о нашемъ сближеніи съ народомъ, не для народа, а для насъ, для всей нашей дѣятельности, есть вопросъ о жизни и смерти. Сближеніе это необходимо, но оно трудно, потому что требуетъ съ нашей стороны совершеннаго перерожденія, не только внѣшняго, но и внутренняго. Борода, русское платье, жесткія руки, грубая рѣчъ не составляютъ еще русскаго человѣка. Нужно, чтобъ умъ нашъ выучился понимать умъ народа и чтобъ наши сердца пріучились бить въ одинъ тактъ съ его великимъ, но для насъ еще темнымъ, сердцемъ. Мы должны видѣть въ немъ не средство, а цѣль, не смотрѣть на него какъ на матеріалъ революціи по нашимъ идеямъ, какъ на „мясо освобожденія", напротивъ смотрѣть на себя, если онъ на то согласится, какъ на слугъ своего дѣла. Однимъ словомъ мы должны полюбить его пуще себя, дабы онъ намъ свое дѣло повѣрилъ.

Любить страстно, отдаваться всею душою, побѣждать громадныя трудности и препятствія, силою любви и жертвы побѣдить ожесточенное сердце народное, дѣло молодости. Вотъ гдѣ ея назначеніе! Учиться она должна у народа, а не учить. Не себя, а его возвышать и вся отдаться его дѣлу. Ну, тогда народъ признаетъ ее.

Прокламація „Молодая Россія" доказываетъ, что въ нѣкоторыхъ молодыхъ людяхъ существуетъ еще страшное самообольщеніе и совершенное непониманіе нашего критическаго положенія. Они кричатъ и рѣшаютъ, какъ будто бы за ними стоялъ цѣлый народъ. А народъ то еще и по ту сторону пропасти, и не только васъ слушать не хочетъ, но даже готовъ избить васъ по первому мано-

венію царя. Что же,—мученичество? Да вѣдъ мученичество хорошо, когда мученики дѣлаютъ дѣло. Редакторовъ „Молодой Россіи“ я упрекаю въ двухъ серьезныхъ преступленіяхъ. Во первыхъ, въ безумномъ и истинно докринерскомъ пренебреженіи къ народу; а во вторыхъ въ нецеремонномъ, безтактномъ и легкомысленномъ обращеніи съ великимъ дѣломъ освобожденія, для успѣха котораго они между тѣмъ готовы жертвовать своею жизнью. Они видно, такъ мало привыкли еще къ настоящему дѣйствію, что имъ все кажется, будто они вращаются въ мірѣ абстракцій. Въ теоріи все сходитъ съ рукъ. На практикѣ, особливо въ такое время, какъ наше, что не полезно, то вредно. Появленіе „Молодой Россіи“ причинило положительный вредъ общему дѣлу и виновниками вреда были люди, желавшіе служить ему. Безъ дисциплины, безъ строя, безъ скромности передъ величіемъ цѣли, мы будемъ только тѣшить враговъ нашихъ и никогда не одержимъ побѣды.

Но прокламація редакторовъ „Молодой Россіи“ не можетъ быть принята за серьезное выраженіе идей передовой молодежи. Нѣсколько смѣлыхъ юношей собрались и издали свою прокламацію... Довольно было, чтобъ перепугать до смерти нашихъ бѣдныхъ правителей. Правда, что юноши говорятъ и объ „общемъ собраніи“ и о „комитетахъ провинціальныхъ тайнаго революціоннаго общества“. Но вѣдь это было сказано зря, для пущей важности и для того, чтобъ доставить лишнее впечатлѣніе черезчуръ впечатлительному правительству. Огромное большинство нашей молодежи принадлежитъ къ партіи народной, къ той партіи, которая поставила себѣ единою цѣлью торжество народнаго дѣла. Эта партія не имѣетъ предразсудковъ ни за царя, ни противъ царя, и еслибъ самъ царь, начавши великое дѣло, не измѣнилъ впослѣдствіи народу, она бы никогда отъ царя не отстала.

И теперь было бы еще не поздно. И теперь та же самая молодежь радостно пошла бы за нимъ, лишь бы только онъ самъ шелъ во главѣ народа; не остановили бы ее никакіе западно-революціонные предразсудки, ибо гдѣ жизнь, гдѣ правда, гдѣ разрѣшеніе судебъ народа, тамъ и она И сколько молодой и благородной энергіи, сколько живыхъ силъ и сколько ума было бы тогда къ его услугамъ для совершенія великаго дѣла—умиротворенія и возсозданія Россіи.

Россія спокойно и твердо пошла бы широкимъ путемъ свободнаго развитія и, укрѣпившись внутри, возстановила бы скоро свое утраченное внѣшнее обаяніе. Величіе Россіи русскому народу такъ дорого, что онъ никогда отъ него не откажется. Онъ принесъ ему столько жертвъ!... Но понятно, что оно должно быть нынѣ воздвигнуто на другихъ основаніяхъ. Богъ съ нимъ съ величьемъ петровскимъ, екатерининскимъ, николаевскимъ, обрекшимъ русскій народъ на постыдную роль палача и вмѣстѣ раба-мученика. Мы искали силы и славы, а нашли лишь безславіе, заслужили ненависть и проклятія истерзанныхъ нами народовъ, и кончили пораженіемъ и постыднымъ безсильемъ. Слава Богу! наша двухвѣковая тюрьма, петровское государство, наконецъ рушится. Никакая сила не возстановитъ его. Мы же сами подтолкнемъ его въ пропасть, и воля намъ! Воля героической Польшѣ. Воля Бѣлоруссіи, Литвѣ, Украйнѣ! Пусть будетъ Польшею все, что хочетъ быть Польшею. Воля Финляндіи! Воля Чухонцамъ и Латышамъ въ Остзейскихъ провинціяхъ! А нѣмцамъ пора въ Германію!

Еслибъ царь понялъ, что онъ отнынѣ долженъ быть не главою насильственной централизаціи, а главою свободной федераціи вольныхъ народовъ, то опираясь на плотную возрожденную силу, въ союзѣ съ Польшею ди Укайною, разорвавъ всѣ ненавистные сою-

зы нѣмецкіе, поднявъ смѣло всеславянское знамя онъ сталъ бы избавителемъ Славянскаго міра!

Мечта! скажутъ мнѣ; да, разумѣется, мечта. Но мечта только потому, что въ Петербургѣ нѣтъ ни мысли, ни сердца, ни воли, и что царь нашъ, въ противность царю Давиду, ищетъ всегда короны, а находитъ корову. И еще повторимъ; ни одному царю не было дано такъ много, и ни съ одного такъ много не спросится.

На Петербургъ надежды нѣтъ. Царь избралъ себѣ путь, гибельный для него, гибельный для Россіи. Какъ безнадежный больной онъ окружилъ себя шарлатанами,—настало время для нашихъ Неккеровъ и Колоновъ. Настоящее министерство — jeune intelligent et fort, и подражая дружественному нынѣ правительству, хочетъ надуть Россію формами безъ содержанія; съ свободою на языкѣ оно намѣрено продолжать дѣло блуднаго произвола. Но забываютъ они только одно, что обманъ, возможный въ странѣ истощенной политическими борьбами, невозможенъ у насъ, потому что у насъ жизнь только вчера началась, страсти въ приливѣ, а не въ отливѣ, и наша трагедія еще впереди... Какъ ни умны министры, но Александръ Николаевичъ не довѣряется имъ вполнѣ, на помощь имъ онъ позвалъ знаменитаго доктора Липранди, который лѣчитъ средствами героическими и безъ сомнѣнія скорѣе доведетъ до трагедіи. Большое утѣшеніе правительственнаго Петербурга теперь—это народъ и привязанность народа къ царю. Народомъ грозятъ они революціонной молодежи. „Стоитъ только царю махнуть рукою, и студентовъ не будетъ“. Да, безъ сомнѣнія не будетъ; да на другой день и дворянства въ цѣлой Россіи не будетъ, а съ дворянствомъ ляжетъ подъ топоромъ все чиновничество; вы сами, голубчики, пропадете. Ну-ка попробуйте махнуть то рукой! И останутся народъ да

царь. Да что станетъ этотъ царь съ этимъ народомъ дѣлать? Вѣдь царь то нашъ бюрократическій, дворянскій, а не земскій. Онъ самъ утонетъ въ дворянской крови, чтобъ уступить мѣсто какому нибудь Пугачеву! Не попробовать ли лучше николаевскихъ средствъ: кнута, висѣлицы, да Сибири? Средства хорошія. Но врядъ ли они вамъ нынѣ помогутъ. Вѣдь страхъ убитъ въ Россіи. Нынѣ пойдутъ на лобное мѣсто, смѣясь надъ вами. Да, и самимъ трусамъ нѣтъ никакого расчета пятиться передъ вашимъ страхомъ. Въ Россіи есть теперь страхъ, пострашнѣе,—страхъ народнаго возстанія. А если придется выбирать между топоромъ и висѣлицею, такъ разумѣется, лучше пасть съ сознаніемъ высокаго подвига, чѣмъ жертвою рокового недоразумѣнія народнаго.

У васъ есть еще одно средство—война. Война національная противъ нѣмцевъ, въ союзѣ съ Италіей и съ Франціей, пожалуй хоть за свободу славянъ, лишь бы только русскому народу не дать свободы. Да, въ самомъ дѣлѣ, идти войною на нѣмцевъ хорошее, а главное, необходимое славянское дѣло, во всякомъ случаѣ лучшее, чѣмъ поляковъ душить нѣмцамъ въ угоду. Подняться на освобожденіе славянъ изъ подъ ига турецкаго и нѣмецкаго будетъ потребностью, необходимостью и святою обязанностью освобожденнаго русскаго народа. Но вы, враги русской и польской свободы, какую дадите вы свободу славянамъ? Или вы хотите повторить въ сотый разъ старый, постыдный обманъ? Не удовлетворивъ никого и не разрѣшивъ ничего у себя дома, на что вы будете опираться? Даже войско придется вамъ содержать на мѣлокъ, чужими субсидіями. И будете вы только служить средствомъ для цѣлей чужихъ, сами ничего не пріобрѣтете. Россію же въ концъ раззорите. Да можетъ быть, вы и расчитываете на ея истощеніе? Можетъ, думаете усмирить ее голодомъ? Смотрите, не ошибитесь въ расчетѣ: война

не помѣшала у насъ ни пугачевщинѣ, ни новгородскому бунту.

Но напрасны всѣ наши старанія. Ни война, ни уловки мнимо либеральнаго (?) министерства, ни явная реакція вамъ не помогутъ. Народъ проснулся и ждетъ своего часа, вы сами способствовали его пробужденію. Кокетничая передъ нимъ и возбуждая его противъ молодого образованного поколѣнія вы сами будите въ немъ сознаніе силы и онъ самъ возьметъ силою то, чего вы ему добровольно дать не хотите. Для мирнаго исхода настоящаго, неотвратимаго кризиса средство только одно: Земскій всенародный соборъ и на немъ разрѣшеніе земскаго народнаго дѣла. Это средство единоспасительное въ рукахъ царя. Но онъ его употребить не хочетъ. Значитъ онъ хочетъ крови.

Когда правители губятъ страну частные люди должны приняться за дѣло спасенія. Всѣмъ истиннымъ консерваторамъ, имѣющимъ умъ, чтобъ понимать и предугадывать необходимыя происшествія, всѣмъ купцамъ, попамъ и дворянамъ, чиновникамъ военнымъ и гражданскимъ, любящимъ спокойствіе и миръ и желающимъ сохранить жизнь, имущество, женъ, сестеръ и дѣтей, всѣмъ, кому дороги благоденствіе и слава Россіи, я совѣтовалъ бы объ этомъ крѣпко подумать. Вѣдь времени на свободное размышленіе осталось не много. И не худо было бы, если они, сговорившись, составили между собою громадное консервативное общество, которое я имъ предложилъ бы назвать: „общество для спасенія Россіи отъ близорукости царской и отъ преступнаго министерскаго шарлатанства," и пусть хоромъ подымутъ они голосъ въ пользу Земскаго Собора, какъ единаго средства для предотвращенія кровавой разрушительной катастрофы.

А намъ, революціонной партіи, что дѣлать? Мы также сплотимся и станемъ подъ знамя „Народнаго

дѣла". Мы хотимъ достигнуть его народнымъ путемъ и не остановимся до тѣхъ поръ, пока оно не исполнится совершенно.

Мы хотимъ и желаемъ:

1. Чтобы вся земля русская была объявлена собственностью цѣлаго народа, такъ чтобъ не было ни одного русскаго, который бы не имѣлъ части въ русской землѣ.

2. Хотимъ самоуправленія народнаго — общиннаго, волостного, уѣзднаго, областного и наконецъ государственнаго, съ царемъ или безъ царя, все равно и какъ захочетъ народъ. Но чтобъ не было въ Россіи чиновничества и чтобъ централизація бюрократическая замѣнилась вольною областною федераціей.

3. Хотимъ чтобъ Польшѣ, Литвѣ, Украйнѣ, Финнамъ и Латышамъ прибалтійскимъ, а также и Кавказскому краю была возвращена полная свобода и право распорядиться собою и устроиться по своему произволу, безъ всякаго съ нашей стороны вмѣшательства, прямого или косвеннаго.

4. Хотимъ братскаго и, если будетъ возможно, федеральнаго союза съ Польшею, Литвою, Украйною, прибалтійскими жителями и съ народами Закавказскаго края. Готовы и обязаны помогать имъ противъ всякаго насилія и противъ всѣхъ внѣшнихъ враговъ, особливо же противъ нѣмцевъ, когда они сами позовутъ на помощь.

5. Въ мѣстѣ съ Польшей, съ Литвой, съ Украйной, мы хотимъ подать руку помощи нашимъ братьямъ Славянамъ, томящимся нынѣ подъ гнетомъ Прусскаго королевства, Австрійской и Турецкой имперіи, обязываясь не вложить меча въ ножны, пока хоть одинъ Славянинъ останется въ нѣмецкомъ, въ турецкомъ, или въ другомъ какомъ рабствѣ.

6. Мы будемъ искать тѣснаго союза съ Италіей,

съ которой у насъ чувства, интересы и враги общіе, — съ Мадьярами, ненавидящими, какъ и мы, Австрійскую монархію, если они только совершенно откажутся отъ притѣсненія Славянъ, — съ Румынами и даже съ Греками, когда послѣдніе оставятъ въ покоѣ Болгаръ, и довольствуясь быть собою, забудутъ свои честолюбивыя и свободопротивныя, а главное, суетныя византійскія мечты.

7. Мы будемъ стремиться, вмѣстѣ со всѣми племенами Славянскими, къ осуществленію завѣтной Славянской мечты: къ созданію Великой и вольной федераціи Всеславянской, гдѣ каждый народъ, великъ или малъ, будетъ вмѣстѣ вольнымъ и братски съ другими народами связаннымъ членомъ; чтобъ каждый стоялъ за всѣхъ, и всѣ за каждаго, и чтобъ не было въ братскомъ союзѣ особенныхъ государственныхъ силъ, чтобъ не было ничьей гегемоніи, но чтобъ существовала единая и не раздѣльная общеславянская сила.

Вотъ широкая программа дѣла Славянскаго, вотъ необходимое послѣднее слово народнорусскаго дѣла. Этому то дѣлу мы посвятили всю жизнь свою.

Теперь съ кѣмъ, куда и за кѣмъ мы пойдемъ? Куда? мы сказали. Съ кѣмъ? мы также сказали: разумѣется ни съ кѣмъ, другимъ, какъ съ народомъ. Но за кѣмъ? За Романовымъ, за Пугачевымъ или, если новый Пестель найдется, за нимъ?

Скажемъ правду, мы охотнѣе всего пошли бы за Романовымъ, еслибъ Романовъ могъ и хотѣлъ превратиться изъ петербургскаго императора въ царя земскаго. Мы потому охотно стали бы подъ его знаменемъ, что самъ народъ русскій еще его признаетъ, и что сила его создана, готова на дѣло, и могла бы сдѣлаться непобѣдимою силою, еслибъ онъ далъ ей крещеніе народное. Мы еще потому пошли бы за нимъ,

что онъ одинъ могъ совершить и окончить великую мирную революцію не проливъ ни одной капли русской или славянской крови. Кровавыя революціи, благодаря людской глупости, становятся иногда необходимыми, но все-таки онѣ зло, великое зло и большое несчастье, не только въ отношеніи къ жертвамъ своимъ, но и въ отношеніи къ чистотѣ и къ полнотѣ достиженія той цѣли, для которой онѣ совершаются. Мы видѣли это на революціи французской.

И такъ отношеніе наше къ Романову ясно. Мы не враги и не друзья его, мы друзья народно-русскаго, славянскаго дѣла. Если царь во главѣ его, мы за нимъ. Но когда онъ пойдетъ противъ него, мы будемъ его врагами. Поэтому весь вопросъ состоитъ въ томъ: хочетъ-ли онъ быть русскимъ земскимъ царемъ Романовымъ, или Голштейнъ-Готорнскимъ императоромъ Петербургскимъ? хочетъ онъ служить Россіи, славянамъ или нѣмцамъ? Вопросъ этотъ скоро рѣшится, и тогда мы будемъ знать, что намъ дѣлать. Ни для него и ни для кого въ мірѣ мы не отступимся ни отъ одного пункта своей программы. И если для осуществленія ея будетъ необходима кровь, да будетъ кровь.

Мы безъ содроганія не можемъ подумать о тысячахъ жертвъ, которыя падутъ вѣроятно. Но вся тяжесть кровавой вины пусть ляжетъ тогда на единственнаго виновника, на царя, который всѣхъ можетъ спасти и, кажется, всѣхъ погубитъ. А средство спасенія и для него и для насъ только одно: идти до конца во главѣ революціи и не останавливаться на полдорогѣ. Еслибъ мы хотѣли остановить настоящую революцію, то не могли бы; никто въ мірѣ не можетъ. А если бы могли, то нехотѣли бы потому, что она необходима для освобожденія нашего народа, для совершенія русскихъ и славянскихъ судебъ.

Если царь измѣнитъ Россіи, Россія будетъ повергнута въ кровавыя бѣдствія. Что будетъ, какую форму приметъ движеніе, кто станетъ во главѣ его? Самозванецъ-царь, Пугачевъ, или новый Пестель-диктаторъ? Предугадать теперь невозможно. Если Пугачевъ, то дай Богъ, чтобъ въ немъ нашелся политическій геній Пестеля, потому что безъ него онъ утопитъ Россію и пожалуй всю будущность Россіи въ крови. Если Пестель, то пусть будетъ онъ человѣкомъ народнымъ, какъ Пугачевъ, ибо иначе его не потерпитъ народъ... А можетъ быть ни Пестель, ни Пугачевъ, ни Романовъ, а Земскій Соборъ спасетъ Россію.

Предугадать нельзя ничего. Нашъ долгъ теперь крѣпко сомкнуться и единодушно готовиться къ дѣлу. Поклясться другъ другу не отставать отъ народа, идти съ нимъ, покуда силъ станетъ. Времени можетъ быть осталось не много,—употребимъ его на сближеніе съ народомъ во чтобы ни стало, дабы онъ призналъ насъ своими и позволилъ бы намъ спасти хоть нѣсколько жертвъ. Сойтись съ народомъ, слиться съ нимъ во единою душу и во единое тѣло—задача трудная, но для насъ неизбѣжная и неотвратимая. Иначе мы будемъ представителями не народнаго дѣла, а только своихъ тѣсныхъ кружковыхъ интересовъ и своихъ личныхъ страстей, чуждыхъ и противныхъ народу, а потому и преступныхъ, ибо нынѣ что не служитъ исключительно дѣлу народному, то преступно. Онъ одинъ призванъ къ жизни въ Россіи, и только что съ нимъ и что за него, то лишь одно имѣетъ право на жизнь, то будетъ имѣть силу на жизнь. Внѣ его нѣтъ русской силы и лишь только соединившись съ нимъ, мы можемъ вырваться изъ безсилія. Вотъ почему мы должны сойтись съ народомъ во что бы ни стало. Важнѣе этого для насъ нѣтъ теперь другого вопроса. Какъ съ нимъ сойтись? Путь къ достиженію цѣли